

РЕФЕРАТЫ

Маркова Ю.В.¹

П. Бурдьё Пьер. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000-2001 годах.

Bourdieu Pierre. Science de la science et réflexivité. Cours de Collège de France 2000-2001. Paris: Raisons d’agir, 2001. –239 p.

Пьер П. Бурдьё начинает книгу с вопросов: «Зачем мне понадобилось брать науку в качестве объекта для своего последнего курса лекций? Почему я все-таки решился их опубликовать, несмотря на все их несовершенство?». И далее объясняет причину, по которой тема лекций актуальна. «... Наука находится под угрозой опасного регресса. Автономия, которую науке удалось постепенно завоевать по отношению к религиозной, политической, экономической власти и даже частично к власти государственной бюрократии, гарантирующей ей минимальные условия независимости, ныне очень слаба. Социальные механизмы, формировавшиеся по мере того, как она утверждалась как конкуренция между равными, рискуют оказаться на службе целей, навязанных извне; подчинение экономическим интересам и соблазнам масс-медиа входит в опасный резонанс с внешней критикой и внутренней дискредитацией, где “постмодернистский” бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, особенно, социальной. Словом, наука в опасности, и в силу этого сама становится опасной» (р.6).

Экономическое давление, оказываемое на представителей как точных, так и социальных наук, менее заметно во втором случае, хотя «в действительности, специалисты в этих областях знания, и, в частности, социологи, являются объектом очень внимательной опеки. Для одних — тех, кто соглашается обслуживать господствующую точку зрения, просто не замечая многих вещей (и здесь достаточен низкий уровень профессионализма), такая опека носит позитивный характер, что выражается в хорошей материальной и символической оплате, для других— тех, кто просто делаю свое дело, способствует тому, чтобы хоть немного раскрыть истину социального мира, оказывается негативной и недоброжелательной, а иногда разрушительной» (р.7).

Именно угроза для автономии науки заставляет Бурдьё «подвергнуть ее социологическому и историческому анализу». При этом он «не стремится релятивизировать научное знание, сводя его к историческим условиям (т. е. к конкретным историческим обстоятельствам), а предполагает совсем обратное: дать возможность тем, кто занимается наукой, лучше понять социальные механизмы, направляющие научную практику, и стать “хозяевами и владельцами” не только “природы”, согласно старой картезианской максиме, но, что не менее трудно, социального мира, в котором производится знание о природе» (р.8).

Таким образом, эта книга, как и другие работы Бурдьё последних лет², преследует как научные, так и политические цели. Речь идет о том, чтобы предоставить исследователям, и не только им, инструменты самообороны от символического насилия, которому они подвергаются, способствовать тому, чтобы наука и другие виды символического

¹ *Маркова Юлия Владимировна* — научный сотрудник Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН.

² Например, П. Бурдьё. «О телевидении и журналистике» /Пер. с фр. Т.В. Анисимовой, Ю.В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.

© Центр фундаментальной социологии, 2003

© Маркова Ю.В., 2003

производства, будь то телевидение или искусство, служили освобождению и прогрессу, а не легитимации господствующего порядка. И это не случайно, поскольку «социология — боевое искусство»³.

Почему, с точки зрения Бурдьё, автономия научного производства играет важную роль для теоретического анализа науки и ее практического развития? Как она связана со способностью науки производить истину? Чтобы объяснить значение автономии, Бурдьё отвечает на вопрос: «каким образом такая историческая деятельность, как научная, производит внеисторические истины; истины, независимые от истории, разорвавшие все связи с местом и временем своего появления, т. е. действующие вечно и в любых обстоятельствах?» (р.10). Этот кантианский вопрос автор переводит в плоскость социологии, заменяя кантовское *a priori* социальными условиями, а затем показывает, как «процесс историзации кантовских вопросов» приводит к «научной объективации субъекта объективации».

Книга состоит из одиннадцати глав. В первой («Состояние дискуссии») предпринят исторический обзор основных концепций науки. По мнению Бурдьё, пространство дискуссий о науке представлено несколькими основными позициями. Это структурный функционализм Р. Мертона («очарованное видение науки»), парадигмальный подход Т. Куна («нормальная наука и научные революции»), «сильная программа» Д. Блура, исследование лабораторий в духе К. Кнорр-Цетины и новая социология науки Б. Латюра и С. Уолгара («хорошо скрываемый секрет Полишинеля»).

Говоря о социологии науки как об особой области исследований, Бурдьё указывает на ряд ее специфических характеристик:

1. Поскольку социология науки обращается к предельным вопросам, она очень зависима от философии.

2. От текстов в этой области требуется меньше эмпирического материала, и последний часто сводится к изучению других текстов, которые, в свою очередь, состоят из «теоретических» дискуссий.

3. В этой области, где все социологи являются философами, а философы — социологами, очень не высоки требования к строгости доказательства. Здесь «можно экономить на действительном разрыве с философией и всеми теми социальными выгодами, которые дает факт называться философом на некоторых интеллектуальных рынках; разрыве долгим и дорогостоящим, предполагающим трудное освоение технических инструментов и множество неблагоприятных инвестиций в практики, считающиеся низкими или неблагоприятными» (р.66).

Во второй главе («Особый мир») Бурдьё излагает свой подход к анализу науки как поля. Третья глава («Почему социальные науки должны брать себя в качестве объекта исследования?») посвящена социоанализу и концепции поля применительно к изучению состояния социальных наук и к собственной траектории Бурдьё в рамках пространства социальных наук («Наброски к самоанализу»).

Автономия и истина

В своих рассуждениях Бурдьё часто указывает на сложность социологического анализа. При этом одним из наиболее сложных объектов выступает для него наука (может быть, потому, что это слишком сильно затрагивает его самого). С его точки зрения, она является одной из наиболее легитимных и высоких ставок в социальных дисциплинах. Бурдьё начинает с перечисления трудностей, с которыми сталкивается тот, кто берется изучать науку:

1. Социология науки — очень развитая область. Весь относящийся к ней массив литературы трудно обозреть, хотя все же можно выделить несколько основных направлений, которые в обобщенном виде представляют пространство различных позиций.

³ В 2001 г. вышел фильм о П. Бурдьё и его социологии, снятый скандально известным режиссером Пьером Карлом, который называется «Sociologie est un sport de combat» (Социология — это боевое искусство).

2. Эту трудность особенно ощущают те, кто не является узким специалистом в данной области. В то же время она свидетельствует о существовании двух принципиальных направлений при выборе стратегии научных инвестиций — интенсивного и экстенсивного, приводящих к формированию либо широких, либо узких специалистов. Однако возможно их совмещение, к чему всегда прибегал сам Бурдье за счет «повышения отдачи от использования моделей, например, модели поля, что позволяет использовать общие наработки в каждом конкретном исследовании и видеть общие черты, избегая эффекта гетто, которому подвержены исследователи, зажатые в рамки узких специальностей» (р.17).

3. Следующий важный момент заключается в том, что, анализируя науку, необходимо понять сложный вид практики, которой можно овладеть только в ходе долгого обучения. Поэтому возникает проблема: «как объединить очень развитую научную техническую компетенцию исследователя, находящегося на переднем рубеже науки, у которого нет времени на самоанализ, и аналитическую компетенцию, тоже очень развитую, связанную с диспозициями, необходимыми для того, чтобы она служила социологическому анализу научной практики» (р.18). Такие качества редко сочетаются в одном человеке, в связи с чем решение проблемы может быть только коллективным. Иначе говоря, должны быть условия, при которых представители разных наук будут заинтересованы работать вместе: «Мы видим, что это из разряда утопии, поэтому оказывается, как это часто бывает в социальных науках, что факторы, препятствующие прогрессу науки, являются по преимуществу социальными» (р.18).

4. Еще один фактор, затрудняющий анализ науки, состоит в том, что для исследователей очень важны документы и дискурс ученых о своих научных практиках, который, в свою очередь, зависит от философии науки определенного периода. В силу этого ученые могут описывать свои практики неадекватно, сквозь призму принятой ими философии науки, что очень трудно учесть в конкретном исследовании.

5. Последняя неустранимая трудность в том, что «наука и особенно научная легитимность и легитимное использование науки в каждый момент времени являются ставкой в борьбе как в социальном мире, так и внутри самой науки. Отсюда то, что мы называем эпистемологией, всегда рискует оказаться всего лишь формой *дискурса, оправдывающего науку* или позицию в научном поле, или, более того, ложно нейтральным повторением доминирующего дискурса науки» (р.19).

Все эти факторы влияют на социологический анализ науки, и, следовательно, аналитический аппарат социологии должен быть построен с учетом упомянутых трудностей. Многие из них при других подходах игнорируются. Например, структурные функционалисты мыслят научный мир как «сообщество», наделенное справедливыми и легитимными институтами регуляции, в котором нет борьбы, по крайней мере, по поводу ставок борьбы. Поэтому Р. Мертон и его сторонники, пользующиеся понятием «признание», исходят из того, что «статистическое исследование предназначено для проверки того, что распределение *наград* (rewards) было совершенно справедливым» (р.28), а не для того, чтобы понять, как устроена наука. Те же, кто, как К. Кнорр-Цетина или Б. Латур раскрывает двойственность научных практик (нейтральный и формальный язык описания исследований и признание на неформальном уровне роли интуиции, неопределенности научного поиска и т. п.) и делает из этого вывод о циничности исследователей и исторической условности результатов науки, забывают: истина не в том, что ученые говорят между собой одно, а пишут и публично представляют другое, а в том, что эти два уровня сосуществуют и обуславливают друг друга.

Понятие поля. Структура поля и ее изменение

Определяющим для собственного подхода Бурдье к анализу науки является то, что он мыслит ее как поле, т.е. как *специфическое место социального пространства*. В нем происходит борьба за монополию на научную легитимность (легитимное производство

«истины»⁴). Понятие поля означает, во-первых, что при анализе науки внимание направлено не на внешние наблюдаемые феномены (взаимодействия, индивиды), как это делают большинство исследователей и особенно те, кто изучают лаборатории (К. Кнорр-Цетина), а на ненаблюдаемые структуры, «которые направляют научные практики и чье воздействие проявляется на микросоциологическом уровне» (р.67). Во-вторых, это означает разрыв с наивным финализмом при интерпретации практики, согласно которым «агенты, в частном случае — исследователи, — выступают рациональными калькуляторами, стремящимися не к истине, а к получению социальной прибыли» (р.69). Понятие поля предполагает принятие реляционной точки зрения на социальный мир и диспозиционной теории действия. В-третьих, поле как *место* социального пространства означает, что наука относительно автономна от общего социального пространства или других мест, которые можно в нем выделить (политика, экономика, искусство). Поэтому правомерно говорить о ее специфических границах, праве входа и возможности выхода. И, в-четвертых, наука обладает своей спецификой, в то же время и частично наследует некоторые свойства общего социального пространства (специфические ставки и особый вид ресурсов, действующих в поле). «Одно из достоинств понятия поля в том, чтобы одновременно дать общие принципы понимания социальных феноменов, имеющих форму поля, и заставить задать вопросы относительно той специфической формы, которую принимают эти общие принципы в каждом конкретном случае» (р.71).

Научное поле есть «поле сил, наделенное структурой, и одновременно поле борьбы за сохранение или изменение этого поля <...> Агенты, отдельные ученые, группы или лаборатории, находясь в отношениях друг с другом, создают пространство, которое их детерминирует, несмотря на то, что оно существует лишь благодаря этим агентам <...> Именно отношения между различными агентами... порождают поле и отношения силы, которые его характеризуют...» (р. 69).

В научном поле существует особый вид капитала, который Бурдьё называет научным. Это «специфический вид символического капитала, основанного на знании и признании. Будучи властью, функционирующей как вид кредита, он предполагает доверие и веру со стороны тех, кто ему подчиняется, поскольку они к этому предрасположены (благодаря образованию и включенности в поле)» (р. 70).

Структура распределения капитала определяет структуру поля, т. е. отношения силы между агентами: «Структура поля, определяемая неравномерным распределением капитала, т. е. специфического оружия и преимуществ, оказывает давление — вне любого прямого взаимодействия, вмешательства или манипулирования — на весь ансамбль агентов, более или менее сужая пространство открытых им возможностей, в соответствии с тем, как они расположены в поле, т. е. в этом распределении капиталов» (р. 71).

В поле могут быть разные деления, но основным остается различие между доминирующими и доминируемыми. «Доминирующим является тот, кто занимает в структуре такое место, что она работает на него» (р. 71). Доминирующие навязывают, часто ничего для этого не делая, представление о науке, наиболее благоприятное для их интересов. Они получают преимущество еще и потому, что являются обязательными для цитирования, а доминируемые просто обязаны, активно или пассивно, занять в отношении них какую-нибудь позицию. Доминируемые находятся в постоянной опасности и могут сохранять свою позицию только посредством постоянных инноваций. Действительные трансформации поля происходят не только и не столько по причине невозможности решить оставшиеся «головоломки» (Т. Кун), сколько, как в экономике, в результате изменения границ между полями, связанного с вторжением новичков, наделенных новыми ресурсами. «Это объясняет тот факт, что границы поля почти всегда являются ставками борьбы внутри поля» (р. 74).

⁴ Впервые свою точку зрения на науку как поле П. Бурдьё излагает в статье «La spécificité du champ scientifique et les conditions sociale du progrès de la raison» // Sociologie et Sociétés. № 7(1). 1975. P. 91-118. На русском языке см. [«Поле науки»](#).

Почему, с точки зрения Бурдьё, необходимо объективировать структуру поля? «Потому что, конструируя объективную структуру распределения свойств, приписываемых индивидам или институтам, мы получаем инструмент предсказания возможного поведения агентов, занимающих различные позиции в этом распределении <...> Пространство позиций управляет (в терминах вероятностей) гомологичным пространством точек зрения, т. е. стратегиями и интеракциями. Это позволяет избежать различия между изучением ученых и изучением научных произведений. Знание профессиональных интересов (связанных с позицией и диспозициями), определяющих предпочтения, может объяснить выбор между несколькими возможностями» (р. 117). Это отношение между пространством позиций и пространством точек зрения не является механическим, связь между ними осуществляется с помощью посредника — габитуса самих ученых.

Второй важный аспект понятия поля состоит в том, что наука — это пространство борьбы за сохранение/изменение структуры данного пространства (распределения капитала). Практики, реализуемые агентами в поле, зависят от их позиции в структуре распределения научного капитала. «Каждое научное действие (как и любая практика) является продуктом встречи двух историй: истории, инкорпорированной в виде диспозиций, и истории объективированной в самой структуре поля и технических объектах (инструментах), текстах и т. д. Специфика научного поля частично определяется длительной исторической традицией благодаря “консервации” достижений в очень экономичной форме, например, редактирование, формулы или набор долго накапливаемых жестов и рутинизированных способностей» (р. 73).

Подобно тому, как структура научного поля имеет свою специфику и зависит (хотя и не абсолютно) от распределения научного капитала, создающего специфику этого поля, борьба за сохранение/изменение структуры последнего обладает особыми свойствами. Специфика борьбы в научном поле определяется легитимным для этого пространства способом урегулирования конфликтов, каким является *спор*, опирающийся на логические аргументы (правило непротиворечивости и т. п.), и апелляция к «реальности», в пределе имеющая форму эксперимента. Тем не менее наличие такого специфического способа урегулирования конфликтов еще не означает, что он является единственным. Поэтому одним из важных моментов при разрешении научных споров оказывается борьба за сам способ их урегулирования, когда сталкиваются научный (аргументация) и ненаучный (политическое и административное влияние) способы их решения.

Итак, понятие поля объединяет представления о структуре (это двойственная структура распределения объективных ресурсов и субъективных точек зрения) и о борьбе за эту структуру (она не является неизменной и навязанной агентам некоторой «природой вещей», принципиально отличной от них самих). Поэтому данное понятие позволяет изучать одновременно как статические, так и динамические аспекты науки как объекта исследования. К тому же оно функционирует одновременно и как программа исследования. «Теория поля, ориентирующая и направляющая эмпирическое исследование, заставляет поставить вопрос о том, в чем состоит игра <...> каковы ставки, желаемые товары и свойства, как они распределяются <...> Понятие поля — система вопросов, которые в каждом исследовании принимают специфическую форму» (р.72). Поле является реляционным понятием, позволяющим избежать ошибок, вызванных традиционными оппозициями (рациональный/нерациональный, сознательный/бессознательный, корыстный/бескорыстный и т. д.). Как верно замечает Бурдьё, «социальная наука сложна тем, что ошибки существуют в ней как пары комплиментарных позиций. Мы избегаем одной ошибки, чтобы впасть в другую» (р. 79).

Научный капитал

Научный капитал формируется как специфическое сочетание символического и культурного капиталов. Бурдьё определяет символический капитал как «ансамбль дифференцирующих характеристик, которые существуют в и посредством их восприятия

агентами, наделенными адекватными категориями восприятия, которые, в свою очередь, усваиваются в ходе нахождения в структуре распределения этого капитала...» (р. 110). «Отношения силы в науке — это отношения силы, осуществляющиеся благодаря знакомству и общению. Символическая власть научного типа действует только на агентов, обладающих категориями, необходимыми для того, чтобы ее узнать и признать. Это парадоксальная власть, которая предполагает “соучастие” того, кто ей подчиняется» (р. 110). В качестве специфической формы символического капитала научный капитал представляет собой:

1. Ансамбль свойств, произведенных актами познания и признания, которые реализованы агентами, ангажированными в научное поле в соответствии с его специфическими нормами;

2. Результат различающего восприятия, доступного только обладателям определенного объема инкорпорированного культурного капитала;

3. Продукт признания со стороны конкурентов (акт признания тем важнее, чем большим признанием обладает тот, кто его дарует);

4. Результат признания равных, в отличие от политического капитала, который возникает благодаря признанию масс;

5. Разновидность символического капитала, имеющего стоимость в границах поля (поскольку зависит от способности агентов его воспринимать и ценить).

Научный капитал может быть собственно научным, получаемым как признание за открытия, изобретения, решение научных проблем и т. п., и административным, возникающим за счет контроля над социальными ресурсами поля (посты, финансирование, участие в комиссиях и т. п.). Это раздвоение связано с тем, что автономность поля всегда относительна. Оно же выступает условием сосуществования двух типов иерархии в науке, что создает одно из основных напряжений поля⁵.

Вместе с тем научный капитал выступает еще и специфическим видом культурного капитала в его объективированной (оборудование, инструменты и т. п.) и инкорпорированной (знания, умения) формах.

Научный габитус

Сильная зависимость научного капитала от субъективных структур того, кто его воспринимает, позволяет уяснить, почему в науке такую важную роль играет научный габитус, понимаемый как система диспозиций, благодаря которой агенты адекватно воспринимают события научного поля и действуют в нем разумным образом.

«Понятие габитуса может быть особенно полезно, когда речь идет о понимании научного поля, где *схоластическая иллюзия* навязывается с особой силой» (р. 77). Она предполагает, что «агенты действуют в соответствии со своими сознательными намерениями и расчетами согласно сознательно выработанным методам и программам» (р. 78). Подобный подход «устанавливает в качестве истины научной практики ее норму, выведенную *ex post* из уже ставшей научной практики, или, другими словами, она стремится вывести логику практики из продуктов, которые логически соответствуют практическому смыслу поля» (р. 78). Следовать идее габитуса — «значит, рассматривать в качестве основания научных практик не познающее сознание, действующее в соответствии с явными нормами экспериментальной логики и метода, но “ремесло”, т. е. практический смысл, признаваемый за изучаемыми проблемами, принятыми способами анализа и др.» (р. 78).

Рациональный анализ практики затруднен тем, что к ней часто обращаются, чтобы дискредитировать разум. Это «осложняет собирание инструментов, необходимых для того, чтобы размышлять о практике» (р. 79). Проблема в том, что «практика постоянно

⁵ Подробно о двух видах капиталов см. Bourdieu P., «Homo academicus», Paris, Eds. de Minuit, 1984. На русском языке более подробное изложение этой идеи можно найти в П. Бурдьё, «Клиническая социология поля науки»/Пер. с фр. Ю.В. Марковой // «Социоанализ Пьера П. Бурдьё», Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

недооценивается и недоанализируется, хотя для ее понимания требуется задействовать большой объем теоретических знаний, значительно больший, как это ни парадоксально, чем для понимания теории. Необходимо избегать сведения практик к тем представлениям, которые мы о них имеем, когда у нас нет ничего, кроме логического опыта» (р. 81).

Научное поле в некоторых своих проявлениях схоже с художественным, хотя это сравнение имеет свои ограничения. «Научное поле, как и другие поля, — это место практических логик, но с тем ограничением, что научный габитус есть реализованная и инкорпорированная теория. Научная практика имеет все свойства, признаваемые за наиболее практическими практиками, например, спортивными или художественными. Но это не мешает ей быть одновременно высшей формой теоретического разума. Пародируя язык Гегеля, рассуждающего о морали, можно сказать, что это “ставшее теоретическое сознание”, т. е. инкорпорированное и ставшее практикой» (р. 82).

Специфика ремесла ученого связана с тем, что обучение состоит в усвоении чрезвычайно сложных теоретических структур, причем, чтобы быть успешным, это усвоение должно реализовываться на двух уровнях: теоретическом и практическом. Необходимо не только усвоение теоретического знания, но и практическое владение им, «чтобы знание реально переходило в практики в форме ремесла <...> и не оставалось в состоянии метадискурса по поводу практик» (р. 82).

«Искусство» ученого отличают от «искусства» художника два важных свойства:

1. В науке большую роль играет практически усвоенное и освоенное формализованное знание (формулы, понятия и т. п.): «Математик двадцати лет в некотором смысле может иметь в голове 20 веков математики, поскольку формализация позволяет усвоить в виде логических автоматизмов, ставших автоматизмами практическими, накопленные продукты неавтоматических изобретений» (р. 83).

2. Большую роль играет также умение обращаться с научными инструментами, которые представляют собой «объективированные и концентрированные в аппарате научные понятия» (р. 83).

Иными словами, ученый — «это научное поле, ставшее человеком, чьи когнитивные структуры гомологичны структурам поля и благодаря этому постоянно подогнаны под ожидания, вписанные в поле. Эти правила и регулярности, которые... определяют поведение ученого, существуют как таковые, т. е. как эффективные структуры, способные ориентировать практику ученых в направлении, соответствующем правилам научности, только потому, что они воспринимаются учеными, наделенными габитусом, который их делает способными [эти правила и регулярности] воспринимать и оценивать, и одновременно предрасположенными использовать. Словом, [правила и регулярности] детерминируют ученых только потому, что они сами определяют себя через акт познания и признания, который дает им главную силу. Ученые так настроены (с точки зрения специфической социализации), что они чувствительны к этим указаниям и готовы ответить на них разумным образом» (р. 84).

Научная борьба

Поле науки имеет свои специфические ставки и способы урегулирования возникающих по их поводу конфликтов. Здесь ведется борьба за то, чтобы заставить признать определенные способы познания объектов и существование самих этих объектов. «Доминирующими являются те, кто сумеет навязать такое определение науки, в соответствии с которым наиболее правильное занятие наукой состоит в том, чтобы иметь, быть и делать то, что они сами имеют, чем являются, и что они делают <...> В науке мы сталкиваемся с антиномией легитимности: в поле науки, как и в других местах, не существует инстанции, легитимирующей инстанции легитимации» (р. 126).

Специфические научные ставки (определение ставок научной игры и монополия на производство «истины») предопределяют способы урегулирования конфликтов в научном поле.

Во-первых, стремление к монополии на научное представление «реальности» (или того, что исследователи в ходе своих столкновений неявно принимают в качестве таковой) приводит к возникновению особого рода цензуры. Логика науки предполагает обращение к «логической необходимости» и «логической непротиворечивости», что не обязательно является свойством других социальных пространств (например, поля политики или художественного поля). «Научные поля — это пространства, где символические отношения силы и борьба интересов, которую они стимулируют, способствуют признанию решающего аргумента» (р. 161).

Во-вторых, такая специфическая цензура влечет за собой консервацию накопленных ресурсов поля (инструменты, теории и т. п.) и посредством этого — формирование и постепенное повышение порога вхождения и тем самым замыкание поля на себя. «Тот факт, что производители стремятся иметь в качестве клиентов только своих собственных конкурентов, одновременно наиболее строгих и сильных, наиболее компетентных и критичных, т. е. наиболее предрасположенных и способных приложить усилия к критике, является для меня той архимедовой точкой, на которую можно опереться, чтобы научно обосновать научный разум, выдернув его из релятивистского редукционизма и объяснить, избавившись от необходимости обращаться к какому-либо чуду, как возможен бесконечный прогресс науки к большей рациональности <...> Замыкание на себя автономного поля является историческим принципом генезиса разума и реализации его нормативности» (р. 108). Поле науки — это социальное пространство, «где устанавливается согласие по поводу истины» и которое находится «во власти социальных ограничений, стимулирующих рациональный обмен и заставляющих подчиниться такому механизму универсализации, как взаимный контроль. Это пространство, где эмпирические законы функционирования, управляющие взаимодействием, подразумевают использование логического контроля и где символические отношения силы принимают совершенно необычную форму, когда в кои-то веки внутренняя сила истинной идеи может черпать силу в логике конкуренции» (р. 162).

В-третьих, ученые как конкуренты за монополию на легитимное представление «реальности» «обладают огромным коллективным аппаратом теоретического конструирования, верификации и эмпирической фальсификации, владение которым требуется от всех участников соревнования» (р. 140). Это означает, что изменения в науке предполагают сохранение предыдущих достижений и доступны для тех, кто сумеет стать специфическим капиталистом, т. е. усвоит все достижения традиции.

Автономное поле как условие производства истины

Истина, производимая наукой, может претендовать на универсальность и часто с успехом этого добивается, потому что:

1. Агенты этого поля настроены на создание логичных и непротиворечивых систем представлений;
2. Они разработали и активно используют сложные методы верификации и фальсификации получаемых результатов;
3. Их результаты проходят проверку «реальностью»;
4. Признание результатов зависит не только от производителей, но и от потребителей (других ученых);
5. Потребители — те, кто признает некоторую систему представлений в качестве истины — часто менее всего заинтересованы в том, чтобы ее признать, поэтому подвергают ее максимальной критике;
6. Эти агенты наиболее компетентны, чтобы осуществить такую критику;
7. Агенты поля принимают в качестве способа урегулирования конфликтов рациональный спор и соглашаются подчиниться силе решающего аргумента;
8. «Истина» науки есть результат коллективных, а не индивидуальных усилий.

Все это возможно лишь при существовании специфического социального пространства (относительно автономного поля науки), где культивируются такого рода

навыки, где достаточно ресурсов (экономических и культурных), чтобы агенты могли существовать, а системы представлений могли проверяться и критиковаться и где агенты обладают таким габитусом, что воспринимают эту деятельность как заслуживающую усилий и видят в ней смысл, а также согласны урегулировать взаимные конфликты, обращаясь к логическим аргументам и ориентируясь на мнение равных.

Бурдые демонстрирует, как в процессе истории формировались конститутивные элементы научного поля. Например, он отмечает, что формирование науки происходит параллельно с формированием новой веры. Вера в науку производится путем переноса понятий «честь» и «доверие» из обихода английских джентльменов в публичную сферу. Другим важным моментом формирования научного поля оказывается математизация.

Действительным субъектом науки является не отдельный агент, а само поле. Объективность научных истин — не результат личной добродетели, а социальный продукт поля, результирующая соотношения сил противников, стремящихся урегулировать конфликт с помощью логических аргументов и ищущих легитимные для данного социального пространства способы «одолеть» противника (предвосхищение аргументов и проверка реальностью). Относительно автономное поле есть практический механизм перевода импровизированных и случайных представлений в постоянные и вневременные истины. Отсюда следует, что угроза автономии научного поля — это угроза возможности производства истины, поскольку разрушается сложный и тонкий социальный механизм перевода субъективного и случайного в объективное и необходимое.

Социоанализ как условие прогресса разума и автономии социальных наук (практическая рефлексия)

Социальные науки — такие же науки, как и другие, но на пути к автономии они сталкиваются с бóльшими трудностями, чем все остальные. Почему так происходит?

Социальным наукам сложно завоевать автономию как минимум по четырем причинам. Во-первых, они «занимаются слишком важным объектом (он интересует всех, начиная с властей предрержащих), слишком жгучим, чтобы можно было оставить его в их полном распоряжении и предоставить его их собственным законам. Он слишком важен с точки зрения социальной жизни, социального и символического порядка, чтобы социальным наукам была предоставлена такая же автономия и монополия на производство истины, как другим наукам. Каждый считает себя вправе братья за социологию и вступать в борьбу за легитимное видение социального мира, в которую включается и социолог, но с очень специфическим намерением, Это намерение: говорить истину или, хуже того, определять условия, в которых возможно говорить истину, мы спокойно признаем за любым другим ученым, но применительно к социологу оно кажется чудовищным» (р. 170).

Во-вторых, из-за слабой автономии внутри поля социальных наук сталкиваются агенты, среди которых одни более автономны, другие менее. А в слабо автономном поле недостаточно автономные агенты имеют больше шансов на успех, чем те, кто стремится к большей автономии. Это связано с тем, что первые в большей степени подчиняются внешним требованиям и имеют больше шансов на успех благодаря признанию широкой аудитории.

В-третьих, социальные науки занимаются объектами «второго порядка», т. е. социальными конструкциями социальных конструкций. Известно, что одним из арбитров в научных спорах выступает сконструированная «реальность». В случае социальных наук «реальность» уже сама есть конструкт, причем это одновременно продукт предыдущей борьбы и ставка в борьбе настоящей. Очевидно, что такой объект не может быть надежным ориентиром при разрешении споров. Но для повышения надежности результатов социологии можно в социологическом методе связать «конструктивистское видение науки и конструктивистское видение объекта этой науки» (р. 172).

В-четвертых, сам социолог является частью того мира, который анализирует. Габитус ученого есть поле, ставшее человеком, «историческое трансцендентальное» поля науки.

Применительно к социологии объективация габитуса ученого — дело еще более трудное, поскольку это затрагивает не только его научные, но социальные и политические диспозиции. Потому многие «истины» социального мира не просто не известны, но агенты, особенно представители доминирующих позиций, не хотят их знать. По всем этим причинам социология не может ожидать такого же признания и автономии, как другие науки, и «обречена быть предметом спора» (р. 173).

В ситуации слабой автономии рефлексивность, «понимаемая как работа, посредством которой социальная наука, берущая себя в качестве объекта, пользуется своим собственным оружием, чтобы понять и контролировать себя, — особенно эффективное средство, способное увеличить ее шансы достигнуть истины, усиливая взаимную цензуру и давая основания для технической критики» (р. 174). Иначе говоря, благодаря рефлексии социология может найти в себе ресурсы, которые сделают ее менее чувствительной к социальным принуждениям, навязываемым социальным пространством.

Практическая рефлексия означает перевод рефлексивности из логической задачи в диспозицию, составляющую научный габитус. Речь идет о том, чтобы перевести логический прием в «рефлекс рефлексивности, способный действовать не *ex post*, т. е. на продукт действия (*opus operatum*), но *a priori*, т. е. на способ действия (*modus operandi*)» (р. 174). При этом необходимо различать нарциссическую рефлексивность *à la* Гарфинкель и реформистскую рефлексивность в стиле Бурдье. Первая обращает внимание на то, что научная работа скорее конструирующая, чем описывающая. Но такое заключение «может потревожить разве что статистиков в их позитивистской вере в получаемые таксономии» (р. 175). Реальный анализ начинается тогда, когда от описания конструирования объекта переходят к вопросу об условиях конструирования, где одним из определяющих моментов является сам исследователь. Другое важное свойство реформистской рефлексии заключается в том, что она не может быть делом одного агента. Если важнейший момент рефлексии — взаимная критика, то очевидно, что такая диспозиция по определению затрагивает всю группу. Именно эти особенности практической рефлексии делают ее одним из условий усиления автономии социологии как поля, т. е. прогресса научного разума.

Итак, согласно Бурдье, рефлексия предполагает объективацию не пережитого субъектом опыта, а объективацию социальных условий, которые сделали его возможным. Для этого необходимо научиться контролировать:

1. Субъективное отношение к объекту, которое, оставаясь необъективированным и направляя выбор объекта, метода и т. п., оказывается источником самых серьезных ошибок;
2. Социальные условия производства этого отношения к объекту.

Работа по объективации должна вестись на трех уровнях:

1. Объективация позиции агента в общем социальном пространстве — наиболее заметный и потому наименее опасный фактор;
2. Объективация позиции агента в профессиональном поле;
3. Объективация всего того, что связано с принадлежностью к схоластическому универсуму, при этом особое внимание следует уделять иллюзии отсутствия иллюзии и интереса.

Поскольку практическая саморефлексия исследователя должна сопровождать каждое исследование и все его этапы, то, очевидно, что «социология социологии не является некоторым направлением социологии подобно всем остальным» и «должна постоянно присутствовать в социологической практике» (р. 220).

Наброски к самоанализу

Предваряя самоанализ, Бурдье говорит, что это только попытка, только точка отсчета, что «социология объекта, каким являюсь я сам, объективация его точки зрения — дело заведомо коллективное» (р. 184). «Я знаю, что захвачен и включен в мир, который беру в качестве объекта. Я не мог бы как ученый занять позицию по отношению к борьбе за истину социального мира, не зная, что я это делаю, что единственной истиной является то, что

истина служит ставкой как в научном (поле социологии), так и в социальном мире, который ученый берет в качестве объекта <...> и по отношению к которому он ведет борьбу за истину. Говоря это и защищая практику рефлексии, я также осознаю, что даю другим инструменты, которые они могут использовать для объективации меня самого, но, действуя таким образом, они доказывают верность моего подхода (*ils me donnent raison*)» (р. 221). Этот анализ нельзя назвать исповедью, потому что Бурдьё стремится описать свою траекторию и позицию в рамках поля и раскрыть в первую очередь безличные структуры, хотя в таком анализе нельзя обойтись без конкретных биографических событий.

Проводя самоанализ, Бурдьё делает акцент на трех принципиальных моментах. Во-первых, на своей позиции в университетском мире к моменту окончания им Высшей нормальной школы, во-вторых, на положении социологии среди других дисциплин в 60-е годы и пространстве возможностей, которые она открывала новичку, и, в-третьих, на условиях формирования и свойствах своего габитуса. Последнее, несомненно, дается ему с наибольшим трудом, поскольку «не все “истории” жизни легко и приятно рассказывать, особенно потому, что социальное происхождение... предрасположено выступать инструментом и ставкой в борьбе и может быть использовано в очень разных смыслах, но почти всегда — не в пользу того, о ком идет речь...» (р. 213).

В качестве «нормальнца-философа» Бурдьё оказывается обладателем максимально престижного диплома в рамках университетского мира (Высшая нормальная школа плюс философия, находящаяся в зените своей славы). В то же время социология в ряду других дисциплин занимает место более чем непрестижное⁶.

Само социологическое пространство к началу 60-х годов поделено между старшим поколением профессоров — Ж. Гурвичем, Ж. Стоцелем и Р. Ароном (у которого Бурдьё работал ассистентом в Сорбонне). Арон в этом пространстве предлагал некоторую свободу тем, кто хотел избежать выбора между теоретизирующей социологией Гурвича и американизированной и сциентистской психологией Стоцеля. С другой стороны, поколение сорокалетних занималось исследованиями и опиралось на новую власть лабораторий, специализировавшихся в различных областях, выделенных в соответствии с категориями здравого смысла: социология труда (А. Турен), социология образования (В. Изамбер) и т. д. Пространство журналов было представлено тремя или четырьмя новыми изданиями: «*Révue française de sociologie*» (Ж. Стоцель), «*Les Cahiers internationaux de sociologie*» (Ж. Гурвич), «*Archives européennes de sociologie*» (Р. Арон). Бурдьё упоминает также журнал К. Леви-Строса «*L'Homme*», пользовавшийся большой популярностью у новичков (в числе которых был он сам). Это было время развития этнологии, и здесь мы можем наблюдать дважды доминируемое положение социологии: она занимала доминируемую позицию и по сравнению с точными науками, и по сравнению с гуманитарными (философия или литература). Она была *дисциплиной парией* и оказывалась своего рода убежищем, принимавшим всех, поскольку «не вызывала робости» у претендентов. Поэтому ее профессиональный корпус был слишком пестр и разнороден с точки зрения уровня образования, «что мешало становлению пространства рациональной дискуссии» (р. 192).

Метод Бурдьё предполагает установление соотношения между пространством возможностей и габитусом того, кто в него интегрирован. Поэтому ученый обращается к анализу характеристик своего габитуса. Разделим условно его формирование на первичную и вторичную социализацию. Специфика формирования габитуса Бурдьё состоит в том, что на каждом этапе он оказывается в ситуации некоторой несовместимости и разрыва. В семье ученого этот разрыв проявляется как отношения между отцом, который стал государственным служащим, и остальными родственниками, оставшимися крестьянами, которым он оказывал постоянные услуги и «каждый год ездил во время своего отпуска, чтобы помогать», но при этом был далек от них. В школе, где учились преимущественно дети крестьян и коммерсантов, Бурдьё «был отделен от них своего рода невидимым

⁶ Подробно об этом П. Бурдьё пишет в «*Méditations pascaliennes*». Paris: Eds. du Seuil, 1997. Глава «*Confessions imprisonnelles*» (Неличная исповедь).

барьером, проявлявшимся в виде ритуальных оскорблений вроде фраз “наемные работники всегда в тени”» (р. 213).

К этому добавляется опыт жизни в интернате при подготовке к Высшей нормальной школе, где Бурдьё открывает для себя социальное неравенство, но на этот раз уже через сравнение с буржуазией. Интернат же способствует формированию двойственного отношения к Школе и миру интеллектуалов. Он видит разительный контраст между миром интерната, этим ужасным социальным реализмом, и миром учебного класса, где правят совсем другие правила и «преподаватели, особенно женщины, предлагают мир интеллектуальных открытий и человеческих отношений» (р. 214). «Я не так давно понял, что моя столь глубокая привязанность к школьному миру сформировалась в ходе этого двойственного опыта, и что свойственный мне сильнейший протест против Школы происходит от того огромного и безграничного разочарования, которое возникло у меня под воздействием несоответствия между двумя сторонами школы: одной — ночной и отвратительной, второй — дневной и респектабельной» (р. 214).

Разрыв усиливается после пребывания Бурдьё в Алжире, где в сложных условиях войны он работал в качестве этнолога. Этот опыт маркировал для Бурдьё окончательный разрыв со школьным опытом, а значит, и с возможностью быть органичной частью школьного мира. Габитус, «доставшийся» Бурдьё, не был органичным ни для поля философии (в силу социальной траектории), ни для поля социологии (в силу траектории образовательной), поэтому он отличался как от социологов, так и от философов. В этом габитусе сочеталось несочетаемое: «аристократизм с точки зрения школьной системы и провинциальное и народное социальное происхождение» (р. 214). Бурдьё называет его «расколотым габитусом», который способен порождать различные противоречия и трения: «С одной стороны, строптивость, особенно по отношению к школьной системе, этой *Alma mater* с двумя разными лицами, которая была объектом жесткого и постоянного бунта <...> С другой — высокомерие и почти надменность “избранного”...» (р. 215). Эта двойственность оказывается основанием *двойного дистанцирования*, которое мы можем наблюдать в стратегии Бурдьё: по отношению к доминирующим (философия и профессора социологи), и по отношению к доминируемым (социология и эмпирические социологи). И траектория Бурдьё — это пример превращения нужды в добродетель.

Одним из оснований научной компетенции является то, что называют «интуицией» или «творческим воображением». С точки зрения Бурдьё, его «необходимо искать в научном использовании социального опыта, предварительно подвергнутого социологической критике» (р. 219). «В противоположность тому, что требует *Wertfreiheit* (свобода от ценности), опыт, связанный с прошлым, может и должен быть мобилизован в исследовании при условии, что он был предварительно подвергнут строгому критическому анализу. Отношение к прошлому, которое продолжает существовать и влиять в форме габитуса, должно быть подвергнуто социоанализу» (р. 218). Это позволяет понять практику и извлечь из нее уроки. Бурдьё указывает, что он предпринимал подобное рефлексивное исследование, чтобы вернуться к источникам своего опыта и понять его⁷.

Опыт Бурдьё демонстрирует, что использование специфических рефлексивных практик позволяет расширить пространство свободы, предоставляемое исследователю его профессиональным полем и общим социальным пространством. Хотя мы не хотим абсолютизировать эту стратегию и понимаем, что основой увеличения научной автономии французской социологии и развития и распространения идей П. Бурдьё были не только рефлексивные приемы, но и институциональное состояние социальных наук во Франции в 60-70-е годы, которое сегодня, кстати, сильно изменилось. Конечно, они не сопоставимы с отечественным социологическим пространством. Однако автономия любого профессионального производства всегда есть результат борьбы. Об этом, в том числе, и говорит нам реферируемая книга.

⁷ Bourdieu P., «Le bal des célibataires. Crise de la société paysanne en Béarn», Paris, Eds. du Seuil, 2002.